

РОЖДЁННЫЕ ЧУЖОЙ ВОЛЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОНОР ГРИН

18+

Conor Green

Рождённые чужой волей

«Автор»

2026

Green C.

Рождённые чужой волей / С. Green — «Автор», 2026

Апфит Стеллар всегда хотел обычной жизни. Учёба, проект по астрономии, редкие прогулки по ночному Бостону, попытки не привлекать внимания — всё это помогало ему скрывать странную способность управлять энергией. Электричество под кожей давно стало для него не чудом, а привычкой, которую лучше никому не показывать. Но после кошмарного сна о тёмном лесу привычный мир начинает трескаться. Вокруг Апфита появляются люди, знающие о таких, как он, слишком много. Одни предлагают защиту, другие открывают охоту, а за отдельными вспышками силы постепенно проступает древняя система, в которой способности — не случайный дар, а части чего-то куда более опасного. Чтобы выжить, Апфиту придётся понять природу своей силы, научиться доверять тем, кто тоже был втянут в эту войну, и решить, кем он станет: оружием, ключом — или человеком, который сам выберет свою судьбу.

© Green C., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Conor Green

Рождённые чужой волей

Глава

Глава 1

2007 год. Штат Массачусетс. Бостон

Мел треснул в пальцах Эдмунда Рэйса.

Кусочек белой пыли упал на край доски, скатился вниз и оставил на тёмной поверхности короткий неровный след. Старый преподаватель физики на секунду замер, посмотрел на обломок так, словно тот тоже был частью доказательства, потом спокойно положил оставшуюся половину мела на деревянный выступ под доской и повернулся к аудитории.

Аудитория была старой.

Не в том смысле, в каком старым называют заброшенное или ненужное. Нет. Здесь всё ещё читали лекции, спорили, сдавали зачёты, засыпали над конспектами, чертили графики на полях тетрадей и тихо переговаривались на последних рядах. Но сама комната будто помнила слишком много лет. Высокие окна пропускали холодный бостонский свет. Деревянные столы были исцарапаны фамилиями, формулами, датами, глупыми рисунками и следами тех студентов, которые давно закончили учёбу, уехали, состарились или забыли, как пахнет эта аудитория после дождя. Радиаторы у стен тихо потрескивали, но тепло от них расходилось медленно, нехотя, словно и оно уставало подниматься по рядам.

На доске уже было написано несколько формул.

Энергия. Работа. Импульс. Сохранение.

Слова, которые для большинства студентов оставались просто частью программы. Их нужно было понять ровно настолько, чтобы решить задачу, ответить на экзамене и забыть до следующего курса. Для Эдмунда Рэйса эти слова были чем-то другим. Не красивой метафорой, не удобным языком для описания мира, а самим миром, разложенным на строгие, холодные, почти беспощадные отношения.

Он поднял взгляд на студентов.

— Физика не спрашивает, удобно ли вам, — произнёс Рэйс. Голос у него был негромкий, сухой, но в аудитории почему-то сразу стало тише. — Она не подстраивается под человеческое желание. Не делает исключений из сочувствия. Камень падает не потому, что хочет упасть. Огонь горит не потому, что злится. Электрон движется не потому, что принял решение. Мы можем давать явлениям имена, можем придумывать им образы, можем даже бояться их. Но от нашего страха закон не меняется.

Он повернулся к доске и под формулой закона сохранения энергии провёл длинную черту.

Мел скрипнул.

— Энергия не исчезает. Она переходит из одной формы в другую. Это простое утверждение, но именно в простых утверждениях чаще всего прячутся самые опасные вопросы.

На последних рядах кто-то зевнул.

Эдмунд Рэйс не посмотрел в ту сторону. Он давно научился различать, когда студент зевает от скуки, а когда от усталости. Скука раздражала его меньше, чем притворное внимание. Усталость он почти уважал. В конце концов, Бостон не становился добрее только потому, что у кого-то завтра лабораторная.

Среди студентов были те, кто уже потерял нить лекции. Были те, кто записывал каждое слово, не понимая половины. Были те, кто понимал, но делал вид, что ему всё равно. И были двое на предпоследнем ряду, которые разговаривали почти беззвучно.

Один сидел прямо, положив локти на стол. Тёмные волосы, спокойное лицо, внимательный взгляд, который слишком редко задерживался на доске, но при этом, казалось, ничего не пропускал. Перед ним лежала раскрытая тетрадь, но записей в ней было меньше, чем у остальных. Он не спешил конспектировать. Смотрел, слушал, иногда выводил на полях короткие схемы — не формулы, а скорее связи между понятиями. Его звали Вектор.

Рядом с ним сидел другой студент.

Мэтфир выглядел так, будто аудитория была для него слишком тесной. Он то откидывался на спинку стула, то наклонялся вперёд, то крутил в пальцах ручку, то смотрел в окно. Не из скуки. Скорее из-за невозможности долго оставаться неподвижным. Его глаза постоянно цеплялись за детали: за трещину в доске, за пыль в солнечном луче, за движение руки преподавателя, за схему на полях тетради Вектора.

— Он снова говорит так, будто формулы могут кого-то убить, — тихо сказал Мэтфир, едва шевеля губами.

Вектор не повернул головы.

— Могут.

— Формулы?

— Люди, которые считают, что поняли их достаточно хорошо.

Мэтфир коротко усмехнулся и прикрыл рот рукой, будто кашлянул.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Будто уже знаешь, чем закончится разговор.

Вектор наконец посмотрел на него.

— А ты всегда начинаешь разговор так, будто хочешь проверить, где у человека слабое место?

Мэтфир улыбнулся шире, но в улыбке было не только веселье. Скорее интерес. Он посмотрел на доску, где Рэйс уже начал объяснять превращение потенциальной энергии в кинетическую, и тихо постучал ручкой по краю тетради.

— Слабые места есть у всего. У людей. У стен. У теорий. У пространства, наверное, тоже.

— Пространства?

— А почему нет? Мы же говорим о физике.

Вектор слегка прищурился.

— Ты сейчас специально пытаешься звучать загадочно?

— Нет. Просто думаю.

— Опасная привычка.

Мэтфир хотел что-то ответить, но в этот момент голос Эдмунда Рэйса стал чуть громче.

— Если на последнем ряду есть отдельная теория, способная дополнить курс, я готов выслушать.

Несколько студентов обернулись.

Мэтфир невинно поднял брови и замолчал. Вектор даже не изменился в лице. Он посмотрел на преподавателя так спокойно, будто ожидал этого замечания с самого начала.

Рэйс задержал на них взгляд.

В этом взгляде не было настоящего раздражения. Скорее усталое предупреждение. Он знал таких студентов. Слишком умных, чтобы просто слушать. Слишком молодых, чтобы понимать, где любопытство превращается в самоуверенность. Иногда из них получались учёные. Иногда — проблемы.

— Мы обсуждали не личные теории, профессор, — сказал Вектор.

— Тогда о чём?

— О слабых местах.

В аудитории кто-то тихо фыркнул.

Рэйс не улыбнулся.

— Уточните.

Вектор поднялся не сразу. Сначала он закрыл тетрадь, словно хотел отделить свой вопрос от обычных записей. Потом спокойно встал.

— Вы сказали, энергия не исчезает, а переходит из одной формы в другую. Но если система не закрыта, если мы не видим всех связей, то наблюдателю может казаться, что энергия появилась из ниоткуда или исчезла. Верно?

Рэйс внимательно посмотрел на него.

— Верно.

— Тогда вопрос не в том, нарушается ли закон, а в том, насколько мы вообще способны определить границы системы.

В аудитории снова стало тихо.

Теперь даже те, кто не слушал, подняли головы. Вопрос был слишком странным для обычной пары, но достаточно связанным с темой, чтобы его нельзя было просто назвать попыткой отвлечь преподавателя.

Эдмунд Рэйс медленно повернулся к доске.

Некоторое время он молчал. Потом взял новый кусок мела и нарисовал круг.

— Допустим, это система.

Он поставил внутри круга точку.

— Это наблюдатель.

Потом провёл за пределами круга несколько коротких линий.

— А это воздействия, о которых наблюдатель не знает. Если он считает систему закрытой, он ошибётся. Он увидит результат, но не увидит причину. Для него событие будет казаться чудом, нарушением закона, аномалией или, если он склонен к драматизму, доказательством, что мир сломался.

Рэйс сделал паузу и обвёл круг ещё раз.

— Но физика не ломается только потому, что мы чего-то не видим. Чаще всего ломается наша модель.

Вектор слушал внимательно.

Мэтфир больше не крутил ручку. Он смотрел на схему с таким выражением, словно эта простая меловая окружность была дверью, которую преподаватель случайно приоткрыл.

— Тогда любое невозможное явление, — продолжил Вектор, — может быть возможным, если мы неправильно определили систему?

— Осторожнее, мистер...

— Вектор.

— Мистер Вектор. Осторожнее. Это удобная фраза, но опасная. Её легко использовать, чтобы оправдать любую фантазию. Наука начинается не там, где человек говорит: «Всё возможно». Наука начинается там, где он спрашивает: «Какие условия должны существовать, чтобы это стало возможным?» Разница огромная.

Вектор кивнул.

— Значит, невозможное требует не веры, а недостающих условий.

— Именно.

Рэйс посмотрел на Мэтфира.

— А вы, кажется, тоже хотели что-то добавить.

Мэтфир слегка выпрямился.

— Я просто подумал... если у пространства есть структура, то теоретически у неё тоже могут быть условия. Напряжение, деформация, разрыв.

В аудитории кто-то тихо сказал:

— Разрыв пространства? Серьёзно?

Мэтфир не обернулся.

Рэйс смотрел на него дольше, чем на остальных.

— В математике можно описать многое, — сказал преподаватель наконец. — В физике нужно доказать, что описание относится к реальности. Не путайте красивую идею с существующим явлением.

— Но иногда явление сначала кажется красивой идеей, — сказал Мэтфир.

— Иногда, — согласился Рэйс. — Но гораздо чаще красивая идея оказывается ошибкой, которая красиво выглядит.

На этот раз в аудитории слышались смешки.

Мэтфир тоже улыбнулся, но не отвёл взгляда.

Рэйс вернулся к доске и продолжил лекцию. Он говорил о полях, о взаимодействиях, о том, что любое движение нужно рассматривать не отдельно, а в связи с тем, что его вызвало. Голос его снова стал ровным, почти монотонным. За окнами по стеклу начал мелко стучать дождь. Сначала редкими каплями, затем гуще. Бостонский свет стал серее. Студенты начали поглядывать на часы.

Вектор больше не разговаривал.

Мэтфир тоже молчал, но теперь перед ним появилась странная зарисовка: несколько прямоугольников, соединённых линиями, как будто он пытался изобразить путь через несколько комнат одновременно. На полях рядом с рисунком он написал одно слово: «переход».

Вектор заметил это.

— Опять слабые места пространства? — прошептал он.

Мэтфир не посмотрел на него.

— Нет. Двери.

— В стенах?

— Везде.

Вектор хотел ответить, но в этот момент прозвенел звонок.

Аудитория ожила сразу. Стулья зашкрипели. Кто-то начал быстро собирать вещи, будто задержка на лишние десять секунд могла разрушить весь день. Кто-то подошёл к преподавателю с вопросом по домашнему заданию. Кто-то уже обсуждал, где поесть. Дождь за окнами усилился, и несколько студентов недовольно посмотрели на улицу: зонтов у многих не было.

Эдмунд Рэйс медленно сложил листы, убрал книгу в старый кожаный портфель и стер с доски часть формул. Не всё. Главную схему с кругом он почему-то оставил.

Вектор вышел почти сразу. Он шёл спокойно, не торопясь, но так, будто уже знал, куда именно направится. Мэтфир задержался. Сначала он собирал вещи, потом будто передумал, снова открыл тетрадь, посмотрел на свой рисунок и наконец подошёл к преподавательскому столу.

Рэйс не поднял головы.

— Мистер Мэтфир.

Тот остановился.

— Вы запомнили.

— Я запоминаю студентов, которые говорят о разрывах пространства на первом курсе.

— Это плохо?

— Это зависит от того, зачем они о них говорят.

Мэтфир усмехнулся, но на этот раз не так легко.

— А если просто интересно?

Рэйс закрыл портфель и посмотрел на него поверх очков.

— «Просто интересно» — самая опасная причина на свете. Из неё вырастает всё. Открытия, ошибки, катастрофы, великие теории, глупые смерти. Люди редко делают страшные вещи потому, что с самого начала хотят зла. Гораздо чаще они просто хотят узнать, что будет, если открыть дверь.

Мэтфир опустил взгляд на свою тетрадь.

— А если дверь уже есть?

Эдмунд Рэйс молчал несколько секунд.

В аудитории почти никого не осталось. Только у двери задержалась девушка, пытавшаяся раскрыть зонт, но и она вскоре вышла в коридор. Шум голосов удалился. В комнате остались дождь, запах мела и двое людей, между которыми вдруг возник разговор, слишком серьёзный для обычной пары.

— Тогда сначала нужно понять, кто построил стену, — сказал Рэйс. — И почему в ней понадобилась дверь.

Мэтфир поднял глаза.

— Вы правда так думаете?

— Я старый преподаватель физики. Я обязан думать скучно.

— Это не скучно.

— Нет. Но безопаснее было бы, если бы казалось скучным.

Мэтфир кивнул, хотя по лицу было видно: ответ не успокоил его. Скорее наоборот. Он хотел услышать запрет, насмешку, резкое «не занимайтесь ерундой». Получив вместо этого осторожность, он будто убедился, что вопрос всё-таки имеет вес.

Рэйс заметил это.

— Послушайте меня, — сказал он тише. — В физике есть вещи, которые ломают не мир, а человека, который слишком рано решил, что способен их понять. Любопытство полезно, пока вы помните собственные границы.

— А если границы мешают?

— Значит, они выполняют свою работу.

Мэтфир слабо улыбнулся.

— Вектор сказал бы, что любую границу можно обойти.

— Ваш друг умнее, чем хочет казаться.

— Он не хочет казаться умным.

— Хочет. Просто делает это аккуратнее вас.

Мэтфир впервые за весь разговор рассмеялся почти по-настоящему.

Рэйс взял портфель и направился к выходу. Уже у двери он остановился.

— Мистер Мэтфир.

— Да?

— Если вы когда-нибудь найдёте дверь там, где её не должно быть, не спешите проходить.

Мэтфир некоторое время смотрел на преподавателя.

— А если за мной будут идти?

Эдмунд Рэйс не сразу ответил.

За окнами громко прошла машина. В коридоре кто-то хлопнул дверью. Где-то далеко снова прозвенел звонок, уже для следующей пары.

— Тогда хотя бы посмотрите, кто держит её открытой, — сказал Рэйс.

И вышел.

Мэтфир остался один в аудитории.

Он снова посмотрел на доску. На круг. На точку внутри. На короткие линии снаружи.

Потом медленно закрыл тетрадь.

2013 год. Штат Массачусетс. Бостон

Кроссовки промокли ещё утром.

Апфит понял это не сразу. Сначала ему казалось, что просто холодно. Потом — что носок сбился и неприятно давит на пальцы. Потом он наступил в очередную лужу у края тротуара, вода хлюпнула где-то под пяткой, и стало окончательно ясно: подошва снова пропускает.

Он остановился у перехода и посмотрел вниз.

Старые кроссовки выглядели так, будто держались на упрямстве. Когда-то они были почти белыми, но теперь этот цвет остался только в самых защищённых местах — возле шнурков и по краям язычка. Остальное давно стало серым, местами грязно-жёлтым, местами почти чёрным от мокрого асфальта. На левой подошве тянулась тонкая трещина. На правой сбоку отклеился кусок резины, и при каждом шаге он чуть отходил, будто обувь пыталась сказать последнее слово.

Апфит пошевелил пальцами.

Внутри было влажно.

— Отлично, — пробормотал он. — Просто великолепно.

Светофор загорелся зелёным.

Люди вокруг двинулись через дорогу. Кто-то шёл быстро, пригнув голову от ветра. Кто-то говорил по телефону. Кто-то нёс бумажный стаканчик с кофе и держал его так осторожно, будто внутри было что-то ценнее кофе. Бостон жил своим обычным дневным ритмом: машины останавливались у переходов, автобусы тяжело вздыхали у остановок, вывески магазинов отражались в мокром асфальте, а ветер гонял по тротуару обрывки чеков и сухие листья.

Апфит перешёл дорогу вместе со всеми.

У него была большая перемена. Не такая длинная, чтобы ехать домой, но достаточно длинная, чтобы наконец сделать то, что он откладывал уже несколько недель. Купить новые кроссовки. Ничего героического. Ничего важного. Просто перестать ходить по городу с ощущением, что в обуви поселилось маленькое болото.

Магазин находился через несколько кварталов от университета.

Он уже бывал там раньше. Небольшое помещение с ярким светом, рядами коробок и витриной, где кроссовки стояли так аккуратно, будто ни один человек в мире не собирался наступать в них в грязь, бежать на автобус, стирать подошвы об асфальт или случайно задевать ими ножку стула в аудитории.

Когда Апфит вошёл, над дверью звякнул колокольчик.

Тёплый воздух магазина сразу обволок его лицо. Пахло новой резиной, тканью, картоном и чем-то сладковатым, похожим на освежитель воздуха. После улицы это было почти приятно.

За стойкой стоял продавец — молодой парень с усталым лицом человека, который уже несколько часов подряд слушает одни и те же вопросы о размерах.

— Добрый день, — сказал он. — Помочь?

Апфит опустил взгляд на свои кроссовки.

— Думаю, им уже ничем не помочь.

Продавец тоже посмотрел вниз, выдержал паузу и кивнул с таким видом, будто перед ним был не покупатель, а родственник пациента, которому только что сообщили очевидный диагноз.

— Понимаю. Размер?

Апфит назвал размер и прошёл вдоль полок.

Ему не хотелось выбирать долго. Он не был из тех людей, которые могли двадцать минут сравнивать оттенки серого и спорить с собой, какая подошва смотрится лучше. Обувь должна была быть удобной, не слишком дорогой и достаточно обычной, чтобы на неё не смотрели.

Обычность вообще казалась ему недооценённым качеством. Чем меньше вещь привлекала внимание, тем легче с ней жить.

Он взял тёмные кроссовки с белой подошвой, примерил, прошёлся между рядами.

Новые кроссовки сидели непривычно плотно. Нога будто ещё не верила, что её перестали мучить. Апфит сделал несколько шагов, остановился, слегка подпрыгнул на месте и почувствовал себя глупо.

Продавец наблюдал за ним с профессионально вежливым выражением лица.

— Нормально? Не жмут?

— Пока они хотя бы не протекают, это уже огромный прогресс.

— Могу принести другие.

— Нет. Эти подойдут.

Пока продавец пробивал покупку, Апфит достал телефон и посмотрел время. Перемена ещё оставалась, но расслабляться было рано. До университета нужно было дойти, потом подняться в аудиторию, желательно не опоздать и не выглядеть так, будто покупка кроссовок была главным академическим событием дня.

Он вышел из магазина уже в новой обуви.

Старые кроссовки лежали в коробке, засунутой в пакет. Апфит несколько секунд смотрел на них через тонкий пластик, и ему почему-то стало немного жалко. Глупое чувство. Это была просто обувь. Старая, промокшая, почти развалившаяся. Но он проходил в ней долго. На пары, в кафе, в библиотеку, по ночным улицам, когда хотелось проветрить голову. В каких-то мелочах вещи становились частью жизни раньше, чем человек успевал это заметить.

Потом он одёрнул себя.

Жалеть кроссовки — это уже слишком.

Апфит закинул пакет поудобнее и пошёл к университету.

Бостонский университет встретил его обычной смесью шума, движения и усталости. Студенты входили и выходили из зданий, кто-то сидел на ступенях с ноутбуком, кто-то быстро ел сэндвич на ходу, кто-то спорил о задании так громко, будто от результата спора зависела не оценка, а судьба науки. На мокрых дорожках отражались окна корпусов. Ветер шевелил капюшоны, страницы тетрадей и края афиш, приклеенных к стендам.

Апфит прошёл внутрь, поднялся по лестнице и вошёл в аудиторию за несколько минут до начала пары.

В помещении уже было достаточно людей.

Каждый занимался своим.

У окна сидела Мелисса и что-то быстро печатала на ноутбуке. Она всегда печатала так, будто пыталась догнать собственные мысли. Рядом с ней лежал открытый стаканчик кофе, а возле стаканчика — стопка листов, исписанных аккуратными заметками. На первом ряду Натан читал учебник, но по тому, как медленно двигались его глаза, было ясно, что он больше борется со сном, чем с материалом. Двое парней у стены смотрели что-то на телефоне и сдержанно смеялись, стараясь не привлекать внимания. Сара рисовала на полях тетради маленькие планеты с кольцами. Ещё кто-то спорил о том, какой график нужно было построить в домашнем задании.

Апфит сел ближе к середине.

Он поставил пакет со старыми кроссовками под стол, достал телефон и машинально открыл новости.

Политика. Авария на шоссе. Очередной спор о городском бюджете. Статья о запуске телескопа. Несколько заметок о технологиях. Заголовок о странном отключении электричества в одном районе города. Апфит задержал на нём взгляд чуть дольше, чем нужно.

Отключение электричества.

Он коснулся большим пальцем экрана, открыл заметку, пробежал глазами по тексту. Ничего особенного. Небольшой сбой. Повреждение линии. Коммунальные службы обещали восстановить питание. Обычная городская проблема.

Обычная.

Он закрыл статью.

Иногда ему казалось, что он слишком часто замечает такие новости. Отключения, скачки напряжения, пожары, аварии, странные короткие сообщения, которые большинство людей пролистывает за секунду. Для них это были просто происшествия. Для него — напоминания о том, что энергия всегда где-то движется, срывается, уходит из-под контроля, накапливается в проводах, батареях, облаках, телах.

Апфит посмотрел на свои пальцы.

С виду обычные.

Никаких искр. Никакого свечения. Никакого признака того, что если он сосредоточится, по коже может пробежать слабый разряд.

Он убрал руку под стол.

Телефон коротко завибрировал.

Сообщение от мамы.

Мама:

Ты нормально? Сегодня обещали дождь. Не промок?

Апфит невольно посмотрел на пакет со старыми кроссовками.

Потом начал печатать.

Апфит:

Всё нормально. Купил новые кроссовки. Старые окончательно сдались.

Ответ пришёл почти сразу.

Мама:

Наконец-то. Я же говорила тебе ещё месяц назад. Ты ел?

Апфит слабо улыбнулся.

Апфит:

Да, не беспокойся. После пары зайду в столовую.

Он ещё не ел, но это казалось мелочью. Не ложью даже. Скорее планом, который просто ещё не успел стать правдой.

Мама:

И не сиди допоздна за проектом. Ты опять будешь делать всё ночью.

Апфит посмотрел на экран ноутбука, которого даже не доставал, и мысленно представил недоделанную симуляцию Солнечной системы. Планеты, орбиты, расчёты, скорости движения, бесконечные строки кода, которые должны были работать красиво, а работали только тогда, когда им этого хотелось.

Апфит:

Я всё контролирую.

Он отправил сообщение и почти сразу понял, насколько сомнительно оно выглядит.

Мама тоже, кажется, поняла.

Мама:

Вот это меня и тревожит.

Апфит тихо фыркнул.

Апфит:

Правда всё нормально. Не беспокойся.

Он хотел добавить что-то ещё, но преподаватель вошёл в аудиторию, и шум постепенно стих. Телефон пришлось убрать.

Пара тянулась долго.

Не потому, что тема была неинтересной. Наоборот, Апфиту нравилось слушать о движении небесных тел, о гравитационных взаимодействиях, о том, как малое отклонение в расчётах может со временем превратиться в огромную ошибку. В этом было что-то почти честное. Вселенная не притворялась простой. Она была сложной открыто. Без извинений.

Но сегодня мысли то и дело соскальзывали.

Новые кроссовки непривычно давили на пятку. В телефоне, спрятанном в кармане, лежал мамин вопрос. В голове висел проект, который нужно было доделывать. За окном серое небо медленно темнело, хотя день ещё не закончился. Апфит записывал формулы, слушал объяснения, иногда отвечал на вопросы, но часть его внимания всё равно оставалась где-то на границе между обычной жизнью и странным внутренним напряжением, которому он не мог подобрать имя.

К концу пары аудитория уже жила ожиданием звонка.

Кто-то перестал записывать. Кто-то проверял время. Кто-то делал вид, что ищет ручку, хотя на самом деле смотрел в телефон. Когда преподаватель наконец отпустил их, шум поднялся почти мгновенно.

Апфит собрал вещи, взял пакет и вышел в коридор.

Столовая была переполнена.

Запах еды, разговоры, стук подносов, скрип стульев, смех, гул голосов — всё смешивалось в один плотный фон. Здесь всегда было слишком много людей и слишком мало свободных мест. Апфит взял еду, несколько секунд оглядывался и наконец заметил знакомых одноклассников за столом у стены.

Мелисса махнула ему рукой.

— Апфит! Сюда!

Он подошёл.

За столом сидели Мелисса, Натан, Сара и ещё двое с его курса — Джош и Эйден. Перед ними стояли тарелки, стаканы, раскрытые телефоны и несколько смятых салфеток. Разговор уже шёл полным ходом, и Апфит, садясь, поймал только конец фразы.

— Нет, я серьёзно, — говорил Джош. — Он просто вышел на сцену в куртке с блёстками, споткнулся о провод, сделал вид, что это часть номера, и все начали аплодировать.

Сара смеялась.

— Это хотя бы было на концерте?

— Да!

— Тогда нормально. На концертах люди готовы аплодировать чему угодно, если артист делает уверенное лицо.

Натан поднял вилку.

— Это не просто уверенное лицо. Это сценическое мастерство.

— Падать красиво?

— Именно. Некоторые учатся годами.

Апфит поставил поднос и сел.

— О чём речь?

Мелисса повернулась к нему.

— О Роуве. Джош нашёл видео с его старого концерта.

— Где он чуть не убился, — добавил Джош.

— Где он импровизировал, — поправил Натан.

— Он споткнулся.

— Успешно импровизировал после того, как споткнулся.

Апфит усмехнулся.

— Это уже звучит как навык, который пригодится в жизни.

— Вот, — Натан указал на него вилок. — Человек понимает искусство.

Джош развернул телефон.

— Смотри.

Видео было низкого качества. Сцена, свет, шум толпы, фигура музыканта в блестящей куртке. Он действительно споткнулся о провод, сделал неловкий полушаг, но тут же развернулся так резко, будто собирался это сделать, поднял руку, и зал взревел.

Апфит не удержался и рассмеялся.

— Ладно. Это было неплохо.

— Неплохо? — возмутился Натан. — Это гениально.

— Это удачное спасение провала.

— Большинство гениальности и есть удачное спасение провала.

Мелисса щёлкнула пальцами.

— Вот это надо записать. Буду использовать, когда завалю следующий тест.

Сара посмотрела на Апфита.

— А ты слушаешь Роува?

— Иногда.

— Иногда — это когда случайно включается?

— Иногда — это когда не хочется думать, что включать.

— То есть случайно.

— Почти.

Разговор перешёл на музыку. Кто-то спорил, стал ли Роув хуже после второго альбома. Кто-то сказал, что первый был слишком сырой. Натан уверял, что именно сырьё и делала его живым. Мелисса призналась, что слушает его только во время уборки, потому что под спокойные песни она начинает грустить, а под энергичные хотя бы двигается быстрее. Потом Джош показал ещё одно видео — уже не с концерта, а короткий ролик из интернета, где кот пытался перепрыгнуть с дивана на стол, передумал в воздухе и всё равно полетел дальше с выражением полного сожаления на морде.

На этот раз смеялись все.

Апфит тоже.

Сначала немного сдержанно, потом по-настоящему. Смех пришёл неожиданно легко, будто в нём давно было место для чего-то простого, но он всё время забывал туда заглянуть. Разговоры были обычными. Даже слишком обычными. Музыка, видео, пары, преподаватели, кто сколько спал, кто опять всё оставил на последний вечер, где продают нормальный кофе, почему столовая картошка иногда похожа на строительный материал.

Апфит не был центром компании.

Он не говорил больше всех. Не шутил громче остальных. Но постепенно поймал ритм разговора. Отвечал, вставлял короткие замечания, смеялся в нужные моменты, иногда спорил, иногда просто слушал. И чем дольше сидел за этим столом, тем меньше чувствовал себя человеком, который постоянно что-то скрывает.

Не полностью.

Это ощущение никуда не исчезало.

Оно всегда было где-то рядом, под кожей. Как слабый заряд, который можно не замечать, пока не коснёшься металла. Но сейчас поверх него появилась другая, более тёплая реальность: столовая, голоса, еда, чужой смех, новые кроссовки, пакет со старыми под стулом.

Обычный день.

Почти.

После столовой была ещё одна пара, потом короткая встреча по проекту, потом дорога домой. К вечеру город стал темнее. Дождь то начинался, то стихал, оставляя на тротуарах тонкий блеск. Новые кроссовки уже успели слегка испачкаться, и это почему-то успокоило Апфита. Они перестали выглядеть чужими.

Дом встретил его тишиной.

Апфит включил свет, скинул рюкзак у стола, поставил пакет со старыми кроссовками в угол и несколько секунд просто стоял посреди комнаты. День закончился, но ощущение незавершённости осталось. Так бывало часто: пока он был в университете, жизнь сама толкала его вперёд — пары, люди, расписание, разговоры. Дома всё останавливалось, и вместе с тишиной возвращались мысли, которые днём удавалось отодвинуть.

Он сел за стол, включил ноутбук и открыл браузер.

Сначала хотел заняться проектом.

Потом решил, что пять минут в интернете ничего не испортят.

Пять минут быстро превратились в двадцать. Он прочитал статью о новой модели телескопа, потом перешёл на обсуждение космических снимков, потом на видео о звёздных вспышках, потом почему-то на подборку самых странных глубоководных существ. На экране появился гигантский изопод, и Апфит несколько секунд смотрел на него без особого выражения.

Существо было странным, почти нелепым. Бронированное тело, множество ног, чёрные глаза. Где-то в глубине океана оно выглядело бы естественно. На фотографии — даже немного забавно.

Апфит закрыл вкладку.

Не потому, что испугался. Просто стало неприятно.

Он откинулся на спинку кресла и потер лицо ладонями. Проект ждал. Симуляция Солнечной системы не собиралась доделывать себя сама. Планеты на экране двигались неправильно: одна слишком быстро уходила с орбиты, другая почему-то постепенно приближалась к центру, третья вообще вела себя так, будто решила покинуть модель из принципа.

— У всех свои планы, — пробормотал Апфит.

Он попытался исправить код, но через несколько минут понял, что только сильнее путается. Голова была забита обрывками дня: мамиными сообщениями, разговором о Роуве, видео с котом, словами преподавателя, треском дождя за окном, статьёй про отключение электричества.

Наконец он закрыл ноутбук.

Комната сразу стала тише.

Слишком тише.

Апфит посмотрел в окно. Небо за стеклом было тёмным, но не совсем чёрным. Город не позволял ночи быть полной. Фонари, окна, вывески, фары машин — всё это подсвечивало улицы снизу, и из-за этого настоящие звёзды почти терялись.

Он подумал, что можно выйти ненадолго.

Просто пройтись.

Проветрить голову.

Не потому, что нужно. Не потому, что куда-то звали. Просто потому, что иногда стены начинали казаться слишком близкими, а мысли — слишком громкими.

Апфит надел куртку, проверил карман с телефоном, вышел из дома и направился по улице.

Ночной Бостон был другим.

Днём город казался собранным из дел: пары, работа, транспорт, разговоры, очереди, расписания, покупки. Ночью всё лишнее отступало, и оставались свет, мокрый асфальт, редкие машины, глухой шум где-то далеко и отдельные люди, которые двигались быстрее обычного, словно не хотели задерживаться на улице слишком долго.

Апфит шёл без цели.

Новые кроссовки мягко стучали по тротуару. В некоторых окнах ещё горел свет. За стеклом кафе кто-то сидел с ноутбуком. На остановке мужчина в тёмном пальто смотрел в телефон. Ветер прошёл по улице и поднял с земли несколько листьев.

Апфит дошёл до небольшого открытого места между зданиями, где небо было видно чуть лучше, и остановился.

Звёзд почти не было.

Только несколько слабых точек над городским светом. И всё равно он поднял голову.

В детстве ему казалось, что звёзды — это что-то спокойное. Далёкое, холодное, неподвижное. Они висели над миром так, будто не имели никакого отношения к человеческим делам. Люди ссорились, спешили, теряли вещи, покупали кроссовки, писали сообщения матерям, смеялись в столовой, боялись опоздать на пару — а звёзды просто были.

Потом он начал понимать, что спокойствие было обманом.

Звезда — это не огонёк на чёрной ткани. Не украшение неба. Не символ мечты, как в детских книжках.

Это энергия.

Чудовищное количество энергии, сжатое в форме, которую человеческий взгляд превращает в маленькую точку. Свет, который летит через пустоту годами, десятилетиями, веками. Тепло, давление, плазма, гравитация, реакции, которые происходят где-то так далеко, что состояние перестаёт быть понятным. Внутри звёзд материя перестаёт быть привычной. Там всё подчиняется таким условиям, которые человек может описать формулами, но не может представить по-настоящему.

Апфит смотрел вверх и думал о том, что свет звезды — это прошлое.

То, что достигает глаз, уже случилось. Возможно, давно. Возможно, когда человек, смотрящий на небо, ещё даже не родился. Небо всегда немного запаздывает. Вселенная показывает себя не такой, какая она есть, а такой, какой была.

Эта мысль почему-то нравилась ему и тревожила одновременно.

Он поднял руку и посмотрел на ладонь.

Под кожей ничего не светилось. Но он знал, что энергия есть и там. В каждом движении. В каждом нервном импульсе. В тепле тела. В слабом электричестве, без которого не сокращались бы мышцы, не работало бы сердце, не возникали бы мысли. Человек любил думать о себе как о личности, памяти, характере, выборе. Но где-то глубже всё это тоже держалось на энергии, на химии, на зарядах, на взаимодействиях, которые никто не замечает, пока они не нарушаются.

Апфит медленно сжал пальцы.

Иногда его собственная способность казалась ему чем-то чужим. Нелогичным. Неправильным. Но иногда, особенно в такие минуты, он думал, что, возможно, она не нарушает мир. Возможно, он просто чувствует то, чего остальные не замечают. Не создаёт искру из ничего, а направляет уже существующее. Не ломает закон, а случайно касается его там, где другим людям недоступно.

Эта мысль была опасной.

Слишком красивой.

А красивые объяснения легко делают человека самоуверенным.

Апфит опустил руку и усмехнулся сам себе.

— Отлично, — тихо сказал он. — Купил кроссовки и уже думаю о законах вселенной. Продуктивный день.

Ветер стал холоднее.

Он постоял ещё немного, пока пальцы не начали мёрзнуть, потом развернулся и пошёл домой.

На обратном пути город казался почти мирным. Не добрым, не безопасным, не своим — просто мирным. Иногда этого хватало. Иногда человеку не нужно, чтобы жизнь была счастливой или великой. Достаточно, чтобы она хотя бы несколько часов не рушилась.

Дома Апфит снял куртку, поставил телефон на зарядку и снова посмотрел на ноутбук. Проект всё ещё ждал. Недоделанная симуляция, неправильные орбиты, ошибки в расчётах.

Он открыл крышку.

Планеты застыли на экране в своих неидеальных положениях.

Апфит хотел поработать ещё немного, но усталость накатила резко. Сначала потяжелели плечи. Потом глаза. Потом мысли стали медленнее, будто кто-то убавил скорость внутри головы.

Он закрыл ноутбук.

Сегодня хватит.

В ванной он умылся холодной водой, посмотрел на своё отражение и заметил, что выглядит уставшим сильнее, чем чувствовал. Светлая прядь упала на лоб. Под глазами лежали слабые тени. Ничего страшного. Просто обычный студент, который слишком мало спит, слишком много думает и всё время откладывает проект до последнего.

Обычный.

Апфит задержал взгляд на отражении чуть дольше.

Потом выключил свет.

Комната погрузилась в полутьму. За окном двигались далёкие огни машин. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. По трубам прошёл тихий звук воды. Дом жил своими маленькими ночными шумами.

Апфит лёг в кровать.

Новые кроссовки стояли у стены. Старые — в пакете в углу. Телефон тихо светился на столе. Завтра снова нужно было идти в университет, доделывать проект, отвечать на сообщения, есть что-нибудь в столовой, слушать разговоры, делать вид, что всё в порядке, и, может быть, действительно верить в это хотя бы часть дня.

Он закрыл глаза.

Перед внутренним взглядом ещё несколько секунд держалось ночное небо. Несколько слабых звёзд над городом. Точки света, в которых пряталась огромная, невозможная энергия.

Потом и они начали исчезать.

Мысли распались на тёплую темноту.

Апфит заснул, не зная, что очень скоро обычность, за которую он так упрямо держался, начнёт трескаться так же тихо и незаметно, как подошва старых кроссовок под дождём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.